

RU

Риторические стратегии Хосе Марти и Фиделя Кастро: преемственность и трансформация кубинского политического дискурса

Родченко А. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление универсальных и специфических механизмов эволюции политического дискурса на примере сравнительного лингвориторического анализа текстов Хосе Марти и Фиделя Кастро. В статье рассмотрены риторические стратегии, ключевые концепты и языковые средства, используемые в кубинском политическом дискурсе в периоды национально-освободительной борьбы конца XIX века и социалистической революции второй половины XX века. В рамках сравнительного подхода были выделены и проанализированы параметры стиля, структуры аргументации, конструирования образов «друга» и «врага», определения аудитории и исторического нарратива. Научная новизна исследования заключается в целостном рассмотрении эволюции кубинского политического дискурса через призму лингвориторического анализа, что позволило системно сопоставить не только идеи, но и конкретные стилистические приемы, механизмы адаптации и трансформации риторического наследия. В результате исследования установлено, что риторика Фиделя Кастро, сохраняя преемственность с ключевыми концептами Хосе Марти (антиимпериализм, национальное единство, жертвенность), подвергла их радикальной трансформации, адаптируя к задачам мобилизации масс и легитимации политического устройства в условиях холодной войны. Универсальные поэтические символы и этико-философский дискурс Марти были переосмыслены и идеологизированы, что привело к смене парадигмы: от диалогичного дискурса, обращенного к интеллектуальной элите, к директивному монологу, направленному на консолидацию общества в рамках нового государственного проекта.

EN

Rhetorical strategies of José Martí and Fidel Castro: continuity and transformation in Cuban political discourse

A. V. Rodchenko

Abstract. The research aims to identify universal and specific mechanisms of political discourse evolution through a comparative linguo-rhetorical analysis of the texts of José Martí and Fidel Castro. The article examines rhetorical strategies, key concepts, and linguistic means utilized in Cuban political discourse during the periods of the national liberation struggle (late 19th century) and the socialist revolution (late 20th century). Within a comparative framework, the study identifies and analyzes parameters of style, argumentation structures, the construction of “friend” and “enemy” images, audience definition, and historical narrative. The scientific novelty of the study lies in its holistic examination of the evolution of Cuban political discourse through the lens of linguo-rhetorical analysis, which allows for a systematic comparison of not only ideas but also specific stylistic devices and mechanisms for the adaptation and transformation of rhetorical heritage. The study reveals that Fidel Castro’s rhetoric, while maintaining continuity with José Martí’s key concepts (anti-imperialism, national unity, sacrifice), subjected them to radical transformation, adapting them to the tasks of mass mobilization and the legitimation of the political system under Cold War conditions. Martí’s universal poetic symbols and ethical-philosophical discourse were reinterpreted and ideologized, leading to a paradigm shift: from a dialogic discourse addressed to the intellectual elite to a directive monologue aimed at consolidating society within a new state project.

Введение

Кубинский политический дискурс, формировавшийся на протяжении более чем столетней освободительной и революционной борьбы, представляет собой уникальный лингвокультурный феномен. Его эволюция от поэтико-философских текстов Хосе Марти (1853–1895) к мобилизационной, идеологизированной

риторике Фиделя Кастро (1926-2016) отражает глубинные трансформации кубинского общества и государства. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления универсальных механизмов адаптации историко-идеологического наследия для легитимации новых политических проектов и консолидации общества в контексте революционных преобразований и глобальных вызовов. В современный период, характеризующийся сменой поколений у власти на Кубе и переосмыслением ее исторического пути в глобализирующемся мире, комплексное изучение этого дискурса приобретает особую значимость. Анализ того, как ключевые символы, концепты, нарративы и риторические стратегии наследуются и перерабатываются, позволяет не только понять механизмы легитимации власти и формирования национальной идентичности в латиноамериканском контексте, но и выявить универсальные закономерности взаимодействия языка, идеологии и политической практики. Несмотря на обширную историографию, посвященную каждому из лидеров в отдельности (Визен, 1964; Миклухо, Субботина, 2015; Lomas, 2018), комплексный сравнительный лингвориторический анализ их наследия, рассматривающий преемственность и трансформацию как единый диахронический процесс, остается востребованной научной задачей.

Объектом данного исследования выступает кубинский политический дискурс периода национально-освободительной борьбы конца XIX века и социалистической революции второй половины XX века. Предметом исследования являются риторические стратегии, языковые средства и ключевые концепты, используемые Хосе Марти и Фиделем Кастро в их программных публицистических и ораторских текстах.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- определить базовый концептуальный аппарат и стилистические доминанты риторики Хосе Марти, основываясь на анализе его ключевых текстов (“*Nuestra América*” (далее NA), “*El presidio político en Cuba*” (PPC) и др.), а также основные риторические модели и лингвистические особенности политического дискурса Фиделя Кастро на материале его программных речей (DFC и HMA);
- провести сравнительный анализ по ключевым параметрам: использование метафор и символов, структура аргументации, конструирование образов «друга» и «врага», определение аудитории и коммуникативных стратегий, трактовка исторического нарратива;
- установить, какие элементы дискурса Марти были заимствованы Кастро в неизменном виде, какие подверглись смысловой трансформации, а какие были исключены или заменены новыми в условиях иного историко-политического контекста.

Исследование опирается на междисциплинарный подход, объединяющий методы политической лингвистики, дискурс-анализа, риторики и исторической семантики. В основе лежит компаративный метод, позволяющий сопоставить языковые и стилистические особенности текстов, разделенных временем. Контекстуальный и историко-культурный анализ применяется для интерпретации выявленных различий и сходств в связи с изменением политических условий. Также используются элементы концептуального анализа для выявления ключевых идеологем («родина», «революция», «народ», «империализм») и прослеживания эволюции их семантического наполнения.

В работе сделан акцент на диалектическом процессе переосмысления, адаптации и интеграции риторического наследия Хосе Марти в контексте политического проекта Фиделя Кастро.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что Фидель Кастро не просто заимствовал риторику Хосе Марти, но радикально трансформировал ее, адаптируя к новым политическим реалиям. Возвышенный поэтико-пророческий стиль и этический универсализм Марти, сфокусированный на освобождении «естественного человека» (*hombre natural* (NA, 1891, p. 135)), в выступлениях Кастро приобрел черты эффективного инструмента идеологии, нацеленного на мобилизацию масс и легитимацию нового политического строя в эпоху глобального противостояния.

Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные труды в области политической лингвистики и дискурс-анализа. Работа опирается на лингвосомиотическую модель политического дискурса Е. И. Шейгал (2000), позволяющую рассматривать риторические стратегии в единстве их интегрирующей, ориентационной и агональной функций. Для анализа образной системы используется когнитивная теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff, Johnson, 1980) в адаптации для политического дискурса, предложенной А. П. Чудиновым (2006). Кроме того, учитываются результаты исследований риторики Хосе Марти (Barnett Idahosa, 2006) и Фиделя Кастро (Игнашина, 2016; Шпетный, Гурьева, 2015; Kice, 2008; Vivas Belisario, 2009; Sousa, 2021; Peignier, Zapata, 2021).

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения его результатов в учебных курсах по политической лингвистике и латиноамериканистике, а также в качестве инструментария для анализа механизмов конструирования национальной идентичности и легитимации власти в политическом дискурсе стран региона. Материалы статьи могут быть использованы при изучении процессов адаптации историко-символического наследия в современных медиа и публичных выступлениях.

Обсуждение и результаты

Эволюция кубинского политического дискурса от Хосе Марти к Фиделю Кастро представляет собой сложный лингвокультурный феномен, требующий системного анализа. В основе исследования – комплекс теоретических положений, разработанных в политической лингвистике и дискурс-анализе и позволяющих рассматривать риторику обоих лидеров в единой методологической парадигме.

Фундаментальное значение для понимания природы политического дискурса имеет работа Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса» (2000), в которой разработана целостная лингвосемиотическая модель анализа. Автор определяет политический дискурс как институциональное общение, основная интенция которого – борьба за власть, и вводит понятие функциональной триады «интеграция – ориентация – агональность», проецируемой на базовую семиотическую оппозицию «свои – чужие» (Шейгал, 2000, с. 151-153). Данная концептуальная рамка позволяет системно сопоставить, какие языковые средства у Марти и Кастро выполняют интегрирующую, ориентационную и агональную функции. Особую ценность представляет анализ мифологем, знаков-аффективов и категории прогностичности.

Для анализа образной системы представляется релевантной когнитивная теория метафоры, разработанная Дж. Лакоффом (Lakoff, 1991), в т. ч. в соавторстве с М. Джонсоном (Lakoff, Johnson, 1980). Согласно этой уже ставшей классической теории, метафора понимается не как средство украшения речи, а как фундаментальный механизм мышления, позволяющий осмысливать абстрактные понятия через конкретные сферы опыта. В отечественной лингвистике эта теория получила развитие в трудах А. П. Чудинова (2006), который адаптировал ее для анализа политического дискурса, разработав детальный методологический аппарат метафорического моделирования, включающий понятия «метафорической модели», «фрейма», «слота» и «концепта» (Чудинов, 2006, с. 132-133). Этот инструментарий позволяет выявлять доминантные для дискурса сферы-источники и проследить развертывание метафорических моделей в тексте.

Анализ собственно риторики Хосе Марти в лингвистическом ключе представлен в диссертации П. Р. Барнетт Идахосы «The Politics of Letters: José Martí's Revolutionary Discourse» (Barnett Idahosa, 2006). Автор рассматривает тексты Марти как особую «литературу борьбы» (*literatura de combate*), в которой эстетическая составляющая неотделима от этической и политической. Ключевое значение имеют выделенные Барнетт Идахосой (Barnett Idahosa, 2006) концепты: сакрализация понятия Родины (*Patria*) как одушевленного существа, требующего жертвы; идея национальной целостности (*integridad nacional*); проект «нашего американизма» (*nuestroamericanismo* – именно в слитном написании как термин), закладывающий основы антиимпериалистического дискурса, а также выявленные риторические стратегии – построение бинарных оппозиций и использование религиозно-мессианской терминологии.

Публичная риторика Фиделя Кастро получила многоаспектное освещение в лингвистической литературе. З. Н. Игнашина (2016, с. 4-9) выделяет базовые стилистические особенности его речей: активное использование экспрессивно-оценочной лексики, грамматическое конструирование коллективной идентичности через частое употребление местоимения *nosotros*, насыщенность военными метафорами и диалогическими приемами. Комплексное исследование К. И. Шпетного и Л. К. Гурьевой (2015) вводит понятие архитектоники дискурса, описывает фонетико-ритмическую организацию и грамматические особенности речей Кастро, а также проследивает диахроническую эволюцию шести базовых концептов (жертва, злодей, герой, преступление, победа, сюжет), чье наполнение меняется в зависимости от политического контекста.

Диссертация Б. С. Кайса (Kice, 2008) акцентирует конституирующую функцию риторики Кастро, показывая, как через бинарные оппозиции и нарратив перманентной революции формировалась новая кубинская идентичность. Важным для нашего исследования является тезис о том, что использование образа Хосе Марти было ключевым риторическим приемом Кастро для обретения легитимности (Kice, 2008, p. 13).

Специальное исследование метафорических систем в речах Кастро проведено А. Вивас Белисарио (Vivas Belisario, 2009). Опираясь на методологию Лакоффа и критический дискурс-анализ ван Дейка, автор выявляет в трех ключевых выступлениях кубинского лидера (1959, 1984, 2007 гг.) доминирование метафорической системы «справедливой войны» и проследивает эволюцию образа врага – от конкретного диктатора Батисты к глобальному империализму США, описываемому через систему дисфемизмов (Vivas Belisario, 2009, p. 152-157).

Проблеме преемственности и трансформации непосредственно посвящены работы, рассматривающие связь дискурсов кубинских лидеров разных эпох. И. Маркезине (Marquezine, 2023) предлагает линию идеологической генеалогии: от антиимпериалистического дискурса Марти через синтез с марксизмом у Хулио Антонио Мельи к оформлению «кастризма» как синтеза национализма и социализма. Исторический анализ саморефлексии Кастро о роли Марти в его формировании представлен в работе П. П. Родригеса (Rodríguez, 2015), который на материале высказываний самого Кастро проследивает его сознательное обращение к мартианскому наследию.

Ценным инструментом для объективной периодизации дискурса Кастро служит текстометрическое исследование С. Де Созы (Sousa, 2021), выполненное на корпусе в 7,7 млн слов. Методами факторного анализа автор статистически выявляет пять четких этапов в риторике Кастро (1959-2008), каждый из которых характеризуется специфическим лексическим профилем (Sousa, 2021, p. 10, 33). Развитие этого подхода представлено в инновационном исследовании С. Пенье и П. Сапаты (Peignier, Zapata, 2021), которые комбинируют методы интеллектуального анализа данных (Word2Vec, subspace clustering) с традиционной методологией дискурс-анализа П. Шародо. Анализ корпуса из 1018 речей (7,5 млн словоупотреблений) позволил авторам не только верифицировать выводы Де Созы, но и выявить доминирование пафосных стратегий (51%), а также такие ранее не фиксировавшиеся механизмы, как рекрутирование через идеалы прогресса, социального благосостояния и национализма (Peignier, Zapata, 2021).

Таким образом, современная научная литература предоставляет солидную теоретико-методологическую базу: фундаментальные исследования общих закономерностей политического дискурса (Шейгал, 2000),

развитую теорию метафорического моделирования (Lakoff, Johnson, 1980, Чудинов, 2006), глубокий анализ риторики Марти в ее концептуальном своеобразии (Barnett Idahosa, 2006) и многоаспектное изучение дискурса Кастро (Игнашина, 2016; Шпетный, Гурьева, 2015; Kice, 2008; Vivas Belisario, 2009; Sousa, 2021; Peignier, Zapata, 2021). Работы Маркезине (Marquezine, 2023) и Родригеса (Rodriguez, 2015) намечают линию идеологической преемственности, однако комплексный лингвориторический анализ, системно сопоставляющий на конкретном текстовом материале не только идеи, но и стилистические приемы, структуры аргументации, механизмы конструирования образов и эволюцию ключевых концептов у обоих лидеров, остается недостаточно разработанным. Настоящее исследование призвано восполнить эту лакуну, интегрируя сильные стороны указанных подходов в единую сравнительную модель, фокусирующуюся на диалектике преемственности и трансформации кубинского революционного дискурса.

Проведенный анализ текстов двух ключевых фигур кубинской истории позволяет выявить как глубинные линии преемственности, так и фундаментальную трансформацию революционного дискурса, обусловленную сменой исторического контекста, политических задач и целевой аудитории.

1. Стиль и ключевые символы: от поэтической метафоры к политическому лозунгу. Риторика Хосе Марти, будучи порождением литературного модернизма, представляет собой эстетико-этический проект. Ее сила – в сложной образности и философской глубине. Он использовал богатый арсенал поэтических средств для выражения политических идей, что делало его тексты эмоционально насыщенными и запоминающимися. Важное место в дискурсе Хосе Марти занимает развернутая концептуальная метафора нации как растительного организма, реализуемая через лексико-семантическую группу фитонимов. Показателен фрагмент, построенный на антитезе «народ-листва» vs «народ-деревья»: *“Ya no podemos ser el pueblo de **hojas**, que vive en el aire, con la **copa** cargada de **flor**, restallando o zumbando, según la acaricie el capricho de la luz, o la tundan y talen las tempestades; ¡los **árboles** se han de poner en fila para que no pase el gigante de las siete leguas!”* (NA, 1891, p. 133). / «Нет, мы больше не можем быть народом-листво́й, что живет в воздушной выси, с **кроной**, отягощенной **цветеньем**, то трепещущей, то гудящей – смотря по тому, приласкает ли ее капризный луч или обрушатся на нее, сминая и кося, свирепые бури. **Дере́вья** должны встать плечом к плечу, сплотиться в строй, чтобы преградить путь великану с семимильными шагами!» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – А. Р.). Марти использует прием градации: образ развивается от пассивного, разрозненного состояния (*hojas, copa, flor*) к активному, монолитному (*árboles en fila*). Стилистически текст маркирован высокой книжной лексикой (*restallando, tundan, talen*), характерной для модернистской прозы.

В другом фрагменте Марти использует развернутую метафору дерева (*árbol difícil*) как символа самобытной и «трудной» (то есть требующей усилий для понимания) латиноамериканской сущности: *“No les alcanza al **árbol difícil** el brazo canijo, el brazo de uñas pintadas y pulsera, el brazo de Madrid o de París”* (NA, 1891, p. 134). / «До могучего древа не дотянуться хилой руке – руке с накрашенными ногтями и браслетом, руке мадридской или парижской». Ей противопоставлен образ хилой, но бесильной конечности (*brazo canijo*). Анафорический повтор (*el brazo... el brazo...*) и градация усиливают отторжение чуждых, колониальных атрибутов (ухаженные, не привыкшие к работе руки с браслетом) как символов нежизнеспособности «готовых рецептов» Старого Света. Упоминание Мадрида и Парижа здесь – не просто топонимы, а метонимия чуждой Латинской Америке европейской интеллектуальной моды. Анафора вообще один из излюбленных риторических приемов Марти: только в сравнительно небольшом тексте эссе Nuestra América можно выделить 8 анафорических рядов, придающих стилю ритм и поэтичность.

Наряду с растительным кодом, Марти использует пространственные метафоры движения и пути. Во фрагменте *“Es la hora del **recuento**, y de la **marcha unida**, y **hemos de andar** en cuadro apretado, como la plata en las raíces de los Andes”* (NA, 1891, p. 133) / «Настал час испытания, час марша в едином строю, и мы должны идти вперед сомкнутыми рядами, монолитными, как серебро в недрах Анд» абстрактное понятие исторического момента концептуализируется через образы военного смотра и марша. Военная тематика продолжается в метафоре окопа: *“**Trincheras** de ideas valen más que **trincheras** de piedra”* (NA, 1891, p. 133). / букв. «Траншеи идей крепче, чем каменные» и других лексемах (*pelea* – бой, сражение, *armas* – оружие, *escuadrón* – эскадрон, *fusil* – ружье, *ejército* – армия, *arremetida* – натиск, атака, *sable* – шпала).

Марти систематически использует религиозную лексику, подвергая ее секуляризации. В лапидарном высказывании *“el **martirio** por la patria es **Dios mismo**”* (PPC, p. 13) / «**мученичество** за родину есть сам **Бог**» конструкция тождества (N1 es N2) придает ему характер абсолютной истины. Религиозная лексема *Dios* сакрализует политическую жертву, наполняя ее экзистенциальным смыслом. Слово *apóstoles* в контексте *“sobre los brazos sangrientos de un centenar de **apóstoles**”* (NA, 1891, p. 134) / «на окровавленных руках сотни апостолов» используется для обозначения героев войны за независимость, но контекст (*brazos sangrientos*) материализует этот образ, приземляя высокую абстракцию до уровня кровавой политической борьбы.

Марти создает не просто набор красивых образов, а сложную, взаимосвязанную систему метафорических полей, которые накладываются друг на друга, создавая объемную картину мира: помимо основных (растительного, религиозного и военного) кодов можно также выделить зооморфные (*tigre* – тигр, *pulpo* – осьминог, *gusano* – червь, *zargas* – когти, *presa* – добыча, *león* – лев, *tábano* – овод), театральные-маскарадные (*máscara* – маска, *levita* – сюртук, *disfraz* – карнавальный костюм), а также телесные и морбиальные (*enfermedad* – болезнь, *curar* – лечить, *sangre* – кровь, *descoyuntado* – вывихнутый) метафоры.

Фидель Кастро осуществляет прагматическую редукцию и идеологизацию этого богатого наследия. Его риторика обусловлена особенностями прагматического контекста (устный диалог с народными массами),

это инструмент прямой мобилизации, где поэтическая развернутая метафора замещается лапидарным, повелительным лозунгом, а сложный синтаксис Марти уступает место простым, ритмически организованным конструкциям. Если Марти творил для вдумчивого читателя, то Кастро говорит с массой, стоящей на площади. “*¡Patria o Muerte! ¡Cuba sí, yanquis no!*” / «Родина или смерть! Куба – да, янки – нет!» – это не образы для размышления, а клятвы верности и боевые приказы, не терпящие двусмысленности.

Военная метафора, важная, но не основная для Марти, у Кастро становится доминирующей и предельно конкретной, отражая состояние перманентной борьбы. Знаменитая мартианская максима о важности «бастионов идей» “*Trincheras de ideas valen más que trincheras de piedra*” превращается у Кастро в серию мобилизационных призывов к их защите: “*defender esta trinchera*”, “*la última trinchera*” (DFC, 2017, р. 175, 192). Слово *trinchera* многократно повторяется, обрастая новыми определениями и актуализируя образ Кубы как форпоста в борьбе с империализмом. Метафора «битвы идей» также конкретизируется: “*la batalla de las ideas la estamos ganando*” (DFC, 2017, р. 179) / «мы побеждаем в идейной борьбе» – простая конструкция с глаголом в настоящем времени создает ощущение непосредственного участия в сражении, происходящем здесь и сейчас. Органическая метафора нации-дерева уступает место военно-оборонительной метафоре осажденной крепости: “*...quedamos rodeados por todas partes de regímenes hostiles*” (DFC, 2017, р.247). / «...мы со всех сторон окружены враждебными режимами».

Религиозные образы Марти, сакрализовавшие борьбу, у Кастро часто приобретают легитимирующую или, напротив, обличительную функцию в упрощенной форме. Устойчивое именование Марти “*el Apóstol*” (Апостол) (DFC, 2017, р. 38; р. 61) становится канонизирующим его символом. Пересказывая легенду об индейском вожде Атуэе, Кастро использует оппозицию «рай для испанцев» vs «достойная смерть»: “*...aquel rebelde indio... dijo: "Pues yo prefiero morir, no quiero ir a ese cielo donde van los españoles"*” (DFC, 2017, р. 101). / «...и сказал тогда непокорный индеец: “Тогда уж лучше смерть, не нужен мне такой рай, куда попадают испанцы”». Религиозное понятие «рай» служит для создания резкого этического контраста, мобилизуя на неприятие врага. А синтаксический оборот, напоминающий библейские призывы (“*los que quieran saber qué es una democracia, ¡que vengan y vean esto!*” (DFC, 2017, 2017, р. 20) / «да придут и узреют!»), способствует утверждению истинности собственной модели.

Зооморфный код Марти также трансформируется в сторону большей наглядности и уничижительности. Бинарная метафора “*el tiburón y la sardina*” (акула и сардина) в пассаже о военном договоре между Кубой и США 1952 года (DFC, 2017, р. 31) предельно понятна любому слушателю: акула – хищник, сардина – жертва. Метафора сразу рисует картину неравенства, не требуя никаких дополнительных знаний, делая сложные политико-юридические отношения абсолютно понятными каждому крестьянину или рабочему. Куба сравнивается с библейским Давидом – символом победы веры, смелости и находчивости над грубой силой – Голиафом (DFC, 2017, р. 61). Пословица “*el pez grande se come al pequeño*” («большая рыба съедает маленькую») переосмысливается и опровергается, превращаясь в политическую метафору: *Cuba ha demostrado que no necesariamente el pez grande se come al pequeño* (DFC, 2017, р. 7). / Куба показала, что **необязательно** большая рыба съедает маленькую. Использование поговорки делает мысль доступной и запоминающейся. Самый известный зооморфный ярлык “*los gusanos*” (черви) (DFC, 2017, р. 57 и далее) – обозначение контрреволюционеров. Слово с резко негативной коннотацией, традиционно ассоциирующееся с тленом и разложением, используется как клеймо, лишая противника человеческого облика. Краткость и экспрессивность делают его идеальным для массового употребления.

В области синтаксиса на смену сложному гипотаксису Марти с его длинными цепочками придаточных приходит синтаксис, основанный на повторах и параллелизме, рассчитанный на слуховое восприятие массового зрителя. Анафора, которую Марти использовал для создания поэтического ритма, у Кастро становится средством эмоционального усиления и закрепления ключевых идей в сознании аудитории. Таков анафорический ряд в «Первой Гаванской декларации» при описании дореволюционного прошлого: “***Había imperado la explotación más inhumana; había imperado el abuso; había imperado la injusticia; había imperado el saqueo sistemático...***” (DFC, 2017, р. 14-15). / «Царил бесчеловечная эксплуатация; царил произвол; царил несправедливость; царил систематический грабёж...».

Еще более мощным мобилизационным средством становится антитетический параллелизм, работающий на четкое разделение на «своих» и «чужих». Во «Второй Гаванской декларации» 1962 года развернута грандиозная анафорическая антитеза, противопоставляющая Кубу и США по почти 20 параметрам: “*Cuba representó los pueblos; Estados Unidos representó los monopolios. Cuba habló por las masas explotadas; Estados Unidos por los intereses oligárquicos... Cuba por la soberanía; Estados Unidos por la intervención. Cuba por la nacionalización; Estados Unidos por nuevas inversiones...*” (DFC, 2017, р. 74-75). / «Куба представляла народы – США представляли монополии. Куба – голос эксплуатируемых масс, США – голос олигархии... Куба – за суверенитет, США – за интервенцию. Куба – за национализацию, США – за новые инвестиции...». Параллельные конструкции сводят сложную реальность к бинарной оппозиции, где каждая фраза – удар, формирующий четкий образ врага и героя. Такое синтаксическое построение направлено не на логическое убеждение, а на эмоциональное закрепление определенной идеологической схемы.

Сложная аргументация Марти замещается вопросами к толпе, предполагающими единственно верный, хоровой ответ: “*¿Alguien trajo al pueblo a la fuerza? (Exclamaciones de: "¡No!")*” (DFC, 2017, р. 23). / «Кто-нибудь привел народ силой? (Возгласы: “Нет!”)»; “*¿Alguien le tiene miedo aquí al imperialismo? (Exclamaciones de: "¡No!")*” / «Кто-нибудь здесь боится империализма? (Возгласы: “Нет!”) Кто боится империализма? (Возгласы: “Никто!”)». Это способствует созданию образа всенародного консенсуса.

Таким образом, метафоры Марти переходят к Кастро в «рабочем», упрощенном виде: они теряют многозначность и поэтическую развернутость, превращаясь в ударные лозунги и хлесткие ярлыки, а отказ от сложноподчиненных предложений в пользу паратаксиса и ритмические анафорические ряды становятся инструментом превращения языка размышления в язык действия.

2. Аудитория и коммуникация: от диалога с элитой к монологу-команде для массы. Риторика Хосе Марти ориентирована на читателя-интеллектуала, способного распознать сложные исторические, литературные и библейские аллюзии, оценить изощренность синтаксиса и включиться в со-размышление. Его тексты – это не массовая агитация, а педагогический жест «учителя-создателя» (*maestro creador*), предполагающий сотворчество.

Уже в первом абзаце эссе “*Nuestra América*” (NA, 1891) Марти упоминает Хуана де Кастельяноса – испанского поэта и автора монументальной исторической хроники “*Elegías de varones ilustres de Indias*” («Элегии знатных мужей Индий»), что требует от читателя не просто знакомства с историей колонизации, но и знания конкретного литературного источника. Марти использует имя как пароль, мгновенно отделяя «своего» (образованного креола, знакомого с классикой колониальной литературы) от «чужого», непосвященного. Эта аллюзия служит двойной цели: она легитимирует призыв к бдительности через обращение к авторитетному описанию «доблестных мужей» прошлого и одновременно создает элитарное пространство понимания.

Кульминацией такого элитарного дискурса становится пассаж, где Марти обрушивается на псевдоинтеллектуалов, предающих свою родину. Он использует сразу две аллюзии – к историко-политическому контексту войны за независимость США и Франции времен Великой революции. Фраза построена на градации обличительных образов: “*¡Estos delicados, que son hombres y no quieren hacer el trabajo de hombres! Pues el Washington que les hizo esta tierra, ¿se fue a vivir con los ingleses, a vivir con los ingleses en los años en que los veía venir contra su tierra propia? ¡Estos “increíbles” del honor, que lo arrastran por el suelo extranjero, como los increíbles de la Revolución francesa, danzando y relamiéndose, arrastraban las erres!*” (NA, 1891, p. 134). / «Эти неженки, которые называют себя мужчинами, а мужской работы делать не хотят! А тот Вашингтон, что создал им эту землю, разве он ушел жить к англичанам в те годы, когда видел, как они идут войной на его собственную землю? Эти аристократышки марают свою честь в иноземной пыли, подобно тому, как модники времен Французской революции грассировали, пританцовывая и облизываясь!» Здесь Марти апеллирует к фигуре Джорджа Вашингтона, чей образ как национального героя, не предавшего свою зарождающуюся страну, должен быть безусловно знаком читателю. Но особенно показателен термин “*increíbles*” (букв. «невероятные»). Это прямая отсылка к щеголям-роялистам времен Французской революции (*les incroyables*), которые своим манерным поведением и картавым произношением (отсюда “*arrastraban las erres*” – грассировали) демонстрировали презрение к революционным идеалам. Марти переносит этот образ на латиноамериканских «европеизующих» снобов. Читатель, не знакомый с историей Французской революции и ее социальной сатирой, не поймет всю глубину иронии и уничтожающей критики, скрытой в этом слове.

Наконец, в работе “*El presidio político en Cuba*” (PPC, 1871) Марти прямо указывает на избирательность своей аудитории, используя сложные библейские и дантовские образы, которые структурируют все повествование: “*Mirad, mirad. Ante mí desfilan en desgarradora y silenciosa procesión espectros que parecen vivos, y vivos que parecen espectros... Aquí va el cólera contento... Ha trocado su guadaña por el látigo del presidio... Aquí viene una cabeza vestida de nieve... Verdad que el martirio es algo de Dios... Aquí viene la viruela asquerosa, inmundada, lágrima encarnada del infierno, que ríe con risa espantosa. Tiene un ojo como Quasimodo*” (PPC, 1871, p. 21-22). / «Глядите, глядите. Передо мной проходят в раздирающей душу безмолвной процессии призраки, что кажутся живыми, и живые, что кажутся призраками... Вот шествует холера, довольная собой... Сменила свою косу на тюремный кнут... Вот идет голова, убитая снегом... Правда, мученичество – оно от Бога... А вот и оспа, мерзкая, гнусная, воплощенная слеза ада, смехом жутким смеется. Глаз у нее один, как у Квазимодо». Эта мрачная процессия – аллюзия на средневековые «пляски смерти» (*danse macabre*). Образ оспы с одним глазом ассоциируется с традициями готического и романтического гротеска, а его сравнение с Квазимодо отсылает к роману Гюго, требуя от читателя знания и этого образа. Марти не описывает ужас прямо, он создает сложный, интертекстуальный образ, который может «собрать» в своем сознании только подготовленный читатель, способный увидеть за этой аллюзией всю глубину авторского послания. Это не агитка, а литература высокой пробы, требующая сотворчества.

Кастро, гениальный оратор-трибун, говорил с массовой, часто малограмотной (в первые годы после революции) аудиторией на площадях, а позже – через телевидение и радио. Его коммуникация – это монолог, искусно превращаемый в интерактивный спектакль, где ключевую роль играют особые языковые средства, рассчитанные на немедленную эмоциональную реакцию и коллективное действие. Помимо риторических вопросов, имитирующих живой диалог со зрителями, и синтаксического параллелизма, Кастро систематически использует форму первого лица множественного числа, стирая грань между лидером и массами и создавая мифологическое «коллективное тело революции». Это проявляется в ключевых формулах:

1. Консолидация перед лицом врага: “*Nosotros podemos hoy hablarle a América; nosotros podemos hoy hablarle al mundo. Aquí no se ha reunido un grupito de “sargentos” políticos; aquí no se ha reunido un puñadito de mercenarios; aquí se ha reunido hoy el pueblo!*” (DFC, 2017, p. 60). / «Мы сегодня можем говорить с Америкой; мы сегодня можем говорить с миром. Здесь собралась не группка политических “сержантов”; здесь собралась не горстка наемников; здесь сегодня собрался народ!» Кастро выстраивает четкую оппозицию между «мы» (коллективный субъект, тождественный народу) и «они» (марионетки, наемники). Местоимение *nosotros* употребляется анафорически в начале параллельных конструкций, что создает ритмическое нагнетание и утверждает

за народом право говорить от имени всей Америки. Грамматически это подчеркнуто контрастом между «мы» (вместилище правды и силы) и уменьшительно-уничижительными формами *grupito, puñadito* (группка, горстка), которые лишают противника легитимности.

2. Мы – субъект исторической миссии: *“Nos ha tocado ese destino glorioso y nosotros seremos una luz que no se apagará nunca”* (DFC, 2017, p. 176). / «**Нам выпала** эта славная судьба, и **мы будем** светом, который никогда не погаснет». Кастро использует конструкцию *nos ha tocado* (безличный оборот с дательным падежом, типичный для разговорной речи), чтобы представить историческую миссию не как результат чьего-то решения, а как судьбу, выпавшую на долю коллектива.

3. Инклюзивное «мы» в повседневных решениях: *“Mañana vamos a abordar la cuestión de las bajas pensiones y vamos a incrementar las más bajas”* (DFC, 2017, p. 125). / «Завтра **мы рассмотрим** вопрос о низких пенсиях и **повысим** самые низкие». Здесь «мы» (*vamos a abordar, vamos a incrementar*) включает в себя и правительство, и народ. Кастро не говорит «я повышу» или «правительство повысит». Он говорит «мы повысим», создавая ощущение, что решение принимается сообща и что народ является соучастником этого действия. Простая конструкция *ir a + infinitivo* в настоящем времени с инклюзивным «мы» делает политическое решение близким и понятным каждому.

Синтаксис и лексика зачастую упрощаются до уровня бытовой речи: *“No había fábricas, ¿quién iba a poner las fábricas para los cientos de miles de cubanos que estaban sin trabajo? No había planes de agricultura; no había planes de industria, ¿quién se iba a preocupar por poner industrias?”* (DFC, 2017, p. 15). / «Не было фабрик, кто бы стал строить фабрики для сотен тысяч кубинцев, которые были без работы? Не было планов развития сельского хозяйства; не было планов развития промышленности, кто бы стал заботиться о создании промышленности?» Синтаксис предельно прост: короткие предложения с повтором безличного *no había* (не было), следующие друг за другом; риторический вопрос *¿quién iba a poner...?* (кто бы стал строить...?) не требует ответа, он лишь усиливает утверждение. Никакой сложной аргументации, только констатация фактов на уровне бытового наблюдения. В следующем примере *“Hay que trabajar más, hay que tomar más interés en todo, hay que triplicar el cuidado y la atención en la producción, en las fábricas, en las cooperativas, en las granjas, en los campos, en todas partes”* (DFC, 2017, p. 57) / «Надо больше работать, надо проявлять больше интереса ко всему, надо утроить заботу и внимание к производству, на фабриках, в кооперативах, на фермах, в полях, повсюду» трехкратный повтор безличной конструкции *hay que + infinitivo* создает императивный, но при этом предельно конкретный и понятный призыв. Перечисление мест (*en las fábricas, en las cooperativas, en las granjas...*) делает задачу осязаемой для каждого слушателя, независимо от рода его занятий. Синтаксис организован как простая цепочка однородных членов, что облегчает восприятие и запоминание. В ход идут и наглядные бытовые образы: *“Lo mismo hicieron con la peseta española, el franco francés, la lira italiana; jugaban apoyados en el grueso poderío de sus miles de millones, porque los especuladores son jugadores que apuestan con las cartas marcadas”* (DFC, 2017, p. 193). / «То же самое они сделали с испанской песетой, французским франком, итальянской лирой; они играли, опираясь на огромную мощь своих миллиардов, **потому что спекулянты – это игроки, которые играют краплеными картами**». Сложнейшее явление международных валютных спекуляций Кастро объясняет через простую и всем понятную метафору карточной игры. Лексика *jugadores, apuestan, cartas marcadas* – из бытового словаря. Спекулянты – не абстрактные финансисты, а шулеры. Это делает критику неолиберализма доступной для человека без экономического образования. В следующем примере Кастро обсуждает сложнейшую проблему ценообразования на нефть и экологии: *“No es que nosotros seamos petroleros; puede ser que lo seamos pero no estamos defendiendo con esto ninguna idea, estoy diciendo que es mejor; porque si van a contaminar el mundo, mientras más caro sea, más esperanza de que dure unos años más”* (DFC, 2017, p. 105). / «Не то чтобы мы были нефтяниками; может, мы и нефтяники, но мы не защищаем здесь никакую идею, **я говорю, что так лучше; потому что если они собираются загрязнять мир, то чем дороже [нефть], тем больше надежды, что он продержится еще несколько лет**». Делает он это в форме простого бытового рассуждения: «чем дороже, тем дольше хватит». Синтаксис разговорный, с характерными для устной речи повторами (*puede ser que lo seamos pero...*), вводными конструкциями (*estoy diciendo que...*), простыми причинно-следственными связями (*porque si...*). Сложная экономическая и экологическая проблематика интерпретируется через доступную массовому сознанию бытовую аналогию – принцип разумного расходования ресурсов.

3. **Выстраивание образов «друга» и «врага»: от морального противостояния к тотальному конфликту.** У Хосе Марти оппозиция «друг – враг» строится на морально-этической основе, а не на тотальном отрицании. Оппонент у него (колониальная Испания, потенциальный североамериканский агрессор) – это, прежде всего, носитель несправедливости и аморальности. Противостояние имеет четкое нравственное измерение. Даже обличая, Марти может обращаться к человечности врага. В работе *“El presidio político en Cuba”* Марти обличает испанские власти за зверства в тюрьмах, но постоянно разделяет «испанцев вообще» и конкретных преступников, призывая метрополию одуматься. Он не демонизирует нацию, а взывает к ее совести: *“O sois bárbaros, o no sabéis lo que hacéis. Dejadme, dejadme pensar que no lo sabéis aún. Dejadme, dejadme pensar que en esta tierra hay honra todavía, y que aún puede volver por ella esta España de acá tan injusta, tan indiferente, tan semejante ya a la España repelente y desbordada de más allá del mar. Volved, volved por vuestra honra: arrancad los grillos a los ancianos, a los idiotas, a los niños”* (PPC, 1871, p. 2). / «Или вы варвары, или не ведаете, что творите (отсылка к Евангелию). Оставьте мне, оставьте мне надежду, что вы еще не ведаете. Оставьте мне, оставьте мне надежду, что в этой земле еще осталась честь и что еще может постоять за нее эта здешняя Испания – такая несправедливая, такая равнодушная, такая уже похожая на ту отвратительную, распоясавшуюся Испанию по ту сторону моря. Верните, верните свою честь: сорвите оковы со стариков, с безумцев, с детей!» Здесь Марти

использует прием градации: от предположения о возможной неосведомленности (*o no sabéis*) к надежде, что в «этой» Испании (т. е. колониальной администрации Кубы) еще есть честь (*honra*). Повтор (*dejadme pensar, volved*) и императив создают эмоциональное напряжение, но это не приказ врагу, а мольба, обращенная к его лучшим качествам. Враг не тотален, в нем остается пространство для морального выбора. Лексика морального порядка (*honra, vergüenza, bárbaros*) доминирует над политической.

Образ Соединенных Штатов у Марти – это предостережение, но без тотальной демонизации. Опасность происходит из незнания и презрения, а не из врожденной порочности: *“El desdén del vecino formidable, que no la conoce, es el peligro mayor de nuestra América; y urge, porque el día de la visita está próximo, que el vecino la conozca, la conozca pronto, para que no la desdeñe. Por el respeto, luego que la conociese, sacaría de ella las manos”* (NA, 1891, p. 138). / «Пренебрежение грозного соседа, который не знает нас, – вот главная опасность нашей Америки. И надлежит нам, ибо час встречи близится, чтобы сосед узнал нас, узнал без промедления, дабы не погнушался нами. И узнав нас, из уважения, убрал бы руки». Здесь ключевое слово – *desdén* (пренебрежение). Враг опасен из-за своего высокомерия и невежества, но если он получше узнает своих соседей по континенту, то может измениться. Глагол *conocer* (узнать) повторен четырежды в одной фразе, что подчеркивает надежду на трансформацию через знание. Марти верит, что знание порождает уважение, и даже могущественный сосед может «убрать руки», если поймет истинную ценность латиноамериканских народов. Это принципиально иной подход, чем у Кастро, для которого враг – империализм – всегда остается врагом.

У Кастро, как точно показал Б. С. Кайс (Kise, 2008, pp. 25, 48), конструкция врага становится краеугольным камнем всей дискурсивной системы. Уже упомянутый анафорический ряд, противопоставляющий Кубу и США по всем мыслимым параметрам (*Cuba por... Estados Unidos por...*) (DFC, 2017, p. 74–75), и являющийся антитезой – квинтэссенцией конструкции врага, показывает без полутонов: враг – не просто оппонент, а носитель всех возможных негативных качеств (эксплуатация, невежество, голод, ложь, агрессия), в то время как «мы» – воплощение всего положительного. Формируется тотальная бинарная оппозиция «мы – они», а конструкция работает как матрица. «Мы» – это монолитный народ (*pueblo*), революция, родина. «Они» – конкретизированный и персонифицированный враг: *el imperialismo yanqui* (американский империализм), *los contrarrevolucionarios* (контрреволюционеры), *los gusanos* («черви» – диссиденты). Этот враг ответственен за все прошлые и настоящие беды: *“...el único culpable de que esta Revolución esté teniendo lugar en Cuba es el imperialismo yanqui”* (DFC, 2017, p. 30). / «...единственный виновник того, что эта Революция происходит на Кубе – это американский империализм». Дискурс становится полем перманентной войны.

4. Исторический нарратив: от урока к мифу о predetermined победе. Для Хосе Марти история – источник этических и политических уроков. Он анализирует причины успехов и неудач прошлых освободительных движений, призывая учиться на ошибках: *“La incapacidad no está en el país naciente, que pide formas que se le acomoden y grandeza útil, sino en los que quieren regir pueblos originales, de composición singular y violenta, con leyes heredadas de cuatro siglos de práctica libre en los Estados Unidos, de diecinueve siglos de monarquía en Francia”* (NA, 1891, 134). / «Беспомощностью страдает не молодая страна, которая требует соответствующих форм государственного устройства и подлинного величия, а те, кто хочет править народами Америки, не считаясь с их национальными особенностями, своеобразным этническим составом и необузданной силой, при помощи законов, унаследованных от четырех веков свободного предпринимательства в Соединенных Штатах или девятнадцати веков монархии во Франции».

Фидель Кастро создает замкнутый легитимирующий миф, а история Кубы предстает как прямая, predetermined линия борьбы, начатой Карлосом Мануэлем де Сеспедесом и Хосе Марти, прерванная в 1898 году и триумфально завершенная 1 января 1959 года. Революция 1959 года – не один из этапов, а закономерная и конечная цель истории. Марти превращается в «интеллектуального автора» штурма казармы Монкада 26 июля 1953 года. В речи на вручении ордена Карлоса Мануэля де Сеспедеса Уго Чавесу Кастро прямо формулирует эту идею, связывая столетие со дня рождения Марти с началом революционной борьбы: *“...inspirador de los combatientes que en el centenario de su nacimiento quisieron tomar el cielo por asalto”* (DFC, 2017, p. 284). / «...вдохновитель бойцов, которые в год его столетней годовщины решили взять штурмом рай». Дата 28 января 1853 года (рождение Марти) и 26 июля 1953 года (штурм казармы Монкада) соединяются в неразрывное историческое целое. Сравнение Марти с Сукре (героем войны за независимость) еще больше усиливает телеологию: борьба за независимость, начатая в XIX веке, не прерывалась, а лишь сменила форму – от шпаги к мысли, чтобы вновь воплотиться в действии в 1953 году.

Таким образом, риторика Кастро, наследуя от Марти антиимпериалистический вектор и ряд символов, осуществляет их радикальную лингвистическую трансформацию: поэтическая метафора редуцируется до лозунга, диалог с элитой сменяется монологом-командой, нравственная оппозиция – тотальным противостоянием, история-урок – мифом о predetermined победе. Дискурс Марти предоставил идейно-символический фундамент, который Кастро, действуя в новых исторических условиях, идеологически переосмыслил и прагматически адаптировал для решения задач национального суверенитета и социалистического строительства. Эта смена парадигмы реализуется на всех языковых уровнях, превращая дискурс освобождения в инструмент мобилизации и легитимации нового государственного порядка. Трансформация достигается за счет комплекса лексико-стилистических средств: прагматической редукции (превращение развернутых образов в краткие ярлыки *gusanos, trinchera*), морфологического конструирования коллективной идентичности (через инклюзивное *nosotros*), синтаксических приемов устной ораторской речи (анафоры, антитетического параллелизма, риторических вопросов) и стратегий адресации, ориентированных на массовую аудиторию (бытовые аналогии, пословицы, народные легенды).

Заключение

Проведенный сравнительный лингвориторический анализ текстов Хосе Марти и Фиделя Кастро позволяет сделать вывод о том, что связь между двумя дискурсивными системами носит характер не прямого заимствования, а глубокой и последовательной языковой трансформации. Кастро творчески адаптирует богатое символическое наследие Марти, перекодируя его в соответствии с новыми прагматическими задачами – массовой мобилизацией и легитимацией революционной власти в условиях холодной войны.

Анализ лексико-стилистических средств выявил принципиальные различия на всех языковых уровнях. На уровне **метафорики** развернутые, философски насыщенные образы Марти (растительные и военные образы, сложные зооморфные и телесные метафоры) претерпевают прагматическую редукцию. У Кастро они превращаются в лапидарные, «рабочие» символы: библейский образ «червей» как знака тления и морального разложения редуцируется до уничижительного ярлыка для обозначения противника (*los gusanos*), а развернутая метафора «бастиона идей» трансформируется в серию мобилизационных призывов к защите конкретного исторического рубежа (*defender esta trinchera*).

На **синтаксическом уровне** сложный гипотаксис Марти, погружающий читателя в ткань рефлексии, уступает место паратаксису, основанному на повторах и параллелизме. Анафора, служившая у Марти для создания поэтического ритма, у Кастро становится средством эмоционального усиления и закрепления ключевых идей в сознании аудитории. Вершиной этой синтаксической стратегии выступает антитетический параллелизм, сводящий сложную реальность к бинарной оппозиции «свои – чужие» (*Cuba por... Estados Unidos por...*), где каждая фраза формирует четкий образ врага и героя.

Анализ **стратегий адресации** показывает смену коммуникативной парадигмы: от диалога с интеллектуальной элитой, требующего культурной компетенции, к монологу-команде для массовой аудитории. Кастро использует инклюзивное *nosotros*, стирающее грань между лидером и народом, упрощает синтаксис до уровня бытовой речи, апеллирует к универсальным архетипам (Давид и Голиаф), пословицам и народным легендам, а риторические вопросы программируют хоровой ответ, превращая речь в интерактивный спектакль.

В конструировании **образа врага** также фиксируется принципиальный сдвиг. Марти, даже обличая, сохраняет нравственное измерение, разделяя «испанцев вообще» и конкретных преступников, апеллируя к их совести. У Кастро враг становится краеугольным камнем дискурсивной системы: он персонифицирован (*el imperialismo yanqui*), тотален (ответствен за все беды) и структурирует реальность через жесткие бинарные оппозиции.

Исторический нарратив трансформируется из аналитического в мифологический. Марти рассматривает историю как источник уроков, анализируя причины успехов и неудач прошлых освободительных движений и призывая извлекать из них выводы. Кастро создает телеологический миф, в котором Революция 1959 года предстает не этапом, а предопределенной целью, а Марти становится «интеллектуальным автором» штурма казармы Монкада, что закрепляется лексически (*inspirador de los combatientes*) и хронологически (столетие Апостола и год начала борьбы соединяются в неразрывное целое).

Таким образом, дискурс Марти предоставил своего рода «дискурсивный генокод» – систему ключевых символов и концептов и связанных с ними идей (антиимпериалистический вектор, жертвенный герой, национальное единство, историческое призвание), который Кастро, действуя в новых исторических условиях, идеологически переосмыслил и прагматически адаптировал. Как было показано в ходе анализа лексики, метафорики, синтаксиса и стратегий адресации, эта смена парадигмы последовательно реализуется на всех языковых уровнях, превращая эстетико-этический дискурс освобождения в действенный инструмент массовой мобилизации и легитимации нового государственного порядка.

Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с прослеживанием эволюции дискурса в речах последующих кубинских лидеров (Рауль Кастро, Мигель Диас-Канель) для оценки динамики ключевых концептов и символов в постфиделевский период. Кроме того, продуктивным представляется сравнительное исследование процессов «рефрейминга» национальных героев в других странах Латинской Америки, что позволит выявить общие и специфические черты политического использования исторического нарратива в регионе.

Материалы исследования | Research materials

1. Визен Л. Хосе Марти. М.: Молодая гвардия, 1964.
2. DFC – Discursos de Fidel Castro. Una selección. 2017. Caracas, Venezuela: edición El perro y la rana, 2017. https://www.marxists.org/espanol/castro/discursos_de_fidel_castro.pdf
3. PPC – Martí J. El presidio político en Cuba. 1871. Madrid. <https://bnjm.cu/img/noticias/2020/10/11/06-El-presidio-pol%C3%ADtico-en-Cuba.-Madrid.pdf>
4. NA – Martí J. Nuestra América. Publicado en La Revista Ilustrada de Nueva York, Estados Unidos, el 10 de enero de 1891, y en El Partido Liberal, México, el 30 de enero de 1891. Nueva York. <https://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/ar/libros/osal/osal27/14Martí.pdf>

Источники | References

1. Игнашина З. Н. Некоторые особенности кубинского политического дискурса (На примере речей Фиделя Кастро) // Язык в глобальном контексте: Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен. 2016. № 2016.
2. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000.
4. Шпетный К. И., Гурьева Л. К. Средства выразительности в ораторских дискурсах Comandante Фиделя Кастро Рус // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 27 (738).
5. Barnett Idahosa P. R. The Politics of Letters: José Martí's Revolutionary Discourse. Toronto: University of Toronto, 2006.
6. Kice B. C. From the mountains to the podium: the rhetoric of Fidel Castro. 2008. https://repository.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2765&context=gradschool_dissertations
7. Lakoff G. The Metaphor System Used to Justify the War in the Gulf // Journal of Urban and Cultural Studies. 1991. Vol. 2. № 1. <https://george-lakoff.com/wp-content/uploads/2011/04/metaphor-and-war-the-metaphor-system-used-to-justify-war-in-the-gulf-lakoff-1991.pdf>
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
9. Lomas L. José Martí, Comparative Critique, and the Emergence of Latina/o Modernity in Gilded Age New York // The Cambridge History of Latina/o American Literature / eds. J. Morán González, L. Lomas. Cambridge – N. Y.: Cambridge University Press, 2018.
10. Marquezine I. A questão nacional em José Martí, Julio Antonio Mella e Fidel Castro // Ideias. 2023. Vol. 14. <https://doi.org/10.20396/ideias.v14i00.8672458>
11. Peignier S., Zapata P. Analysis of Fidel Castro Speeches Enhanced by Data Mining // Journal of Digital Humanities. 2021. Vol. 1. № 1.
12. Rodríguez P. P. José Martí en Fidel Castro // Portal José Martí. La Habana, 2015. <https://www.josemarti.cu/jose-marti-en-fidel-castro/>
13. Sousa S. de. Le discours de Fidel Castro: périodisation et évolution (1959-2008). The Evolving Discourse of Fidel Castro (1959-2008): a Periodization Approach // Histoire & Mesure. 2021. <https://journals.openedition.org/histoiremesure/14819>
14. Vivas Belisario A. Sistemas metafóricos en discursos de Fidel Castro. "Decir la verdad es el primer deber de todo revolucionario" // Letras. 2009. Vol. 52. № 81.

Информация об авторах | Author information

RU

Родченко Анна Валерьевна¹, к. филол. н., доц.¹ Дипломатическая академия Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации

EN

Anna Valerievna Rodchenko¹, PhD¹ Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation¹ arodchenko@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.01.2026; опубликовано online (published online): 16.03.2026.

Ключевые слова (keywords): лексико-стилистические средства; политический дискурс; революционная риторика; кубинский национальный вариант испанского языка; Хосе Марти; Фидель Кастро; lexico-stylistic devices; political discourse; revolutionary rhetoric; Cuban Spanish; José Martí; Fidel Castro.